

Леонид Ярошевский Валерия «Паровоз» из Аткарска

Глава 1. Предисловие

Честность умирает, когда продаётся.
(Жорж Санд)

Океан, состоящий из капель, велик.
Из пылинок слагается материк.
Твой приход и уход не имеет значенья.
Просто муха в окно залетела на миг...

(Омар Хайям)

Не так давно, перебирая старые фотографии, огромное количество которых бережно хранил ещё при жизни мой отец, я наткнулся на одно чёрно-белое фото, неизвестное мне ранее. На сцене находились какие-то незнакомые мне музыканты, а рядом с ними стояли, позируя, молодые красивые девушки, одни — в мини-юбках, другие — в купальниках. Приглядевшись внимательнее, в одной из них — на заднем плане — неожиданно для себя я узнал Валерию.

«Странно, — подумал я. — Почему же я раньше никогда не видел этот снимок?» Раз это хранится у нас дома, значит, сделан он был тогда, когда мы ещё были мужем и женой, и пройти мимо меня незамеченным такое выступление не могло. Я стал вспоминать, а потом решил взять и записать то, что вспомнил. В результате такого путешествия «по волнам моей памяти» получилось нечто вроде документальной повести. Многие, прочитав это, усмехнутся: «Ага, конечно, сейчас он нам «правду» расскажет! Завидует, небось, вот и будет сейчас воду мутить!» Спешу вас успокоить. Нет, я не собираюсь «мутить воду» — даже мысли такой никогда не возникало. Просто я, прочитав книгу Валерии «И жизнь, и слёзы, и любовь», был крайне

удивлён несоответствием многих фактов того времени, когда мы были вместе. А это, как никак, шесть с половиной лет. Я подумал и решил внести некоторые поправки и уточнения в биографию Аллы. И ничего больше. Конечно, это будет субъективный рассказ. Но как иначе? Кто бы что ни рассказывал — всегда это будет субъективно. И ещё: я опишу всё, что с нами было тогда, но — с точки зрения меня сегодняшнего.

Итак... О Валерии все знают всё! Или почти всё. Про неё написано множество статей, взяты сотни интервью, сделаны передачи на ТВ, есть статья в Википедии. Она сама написала «автобиографическую» книгу, по которой снят ещё более «автобиографический» сериал. Каких только наград она не удостоена, каких только призов и званий не имеет — всего и не перечислишь. Миллионы поклонников в России и зарубежом, десятки CD. Вся жизнь — как на ладони.

Мне же, не мудрствуя лукаво, хотелось бы рассказать о малоизвестном периоде её жизни — с весны 1985 года до осени 1991 — времени, о котором она если что-то и рассказывала или писала (в том числе и в своей книге), то только то, ЧТО считала нужным и КАК считала нужным. Я же, являясь непосредственным участником всех тех событий, которые происходили с нами тогда, хотел бы рассказать в хронологическом порядке и почти

документально о том, о чём, возможно, никогда и нигде ещё не писалось и не говорилось.

Я не стал подробно, в мелочах описывать каждый день нашей жизни, опустил некоторые «малозначительные» события в её жизни, такие, например, как кратковременная работа Аллы в Театре Эстрады или неудачные попытки сотрудничества с композитором Алексеем Мажуковым, а также наш быт, не особенно в то время обустроенный. Я не стал специально придумывать диалоги, дабы разукрасить своё повествование, так как это не художественное произведение. Я просто описал основные события, произошедшие с нами в тот период времени. Назвал я свои «воспоминания» так: «Валерия. «Паровоз» из Аткарска». Не судите строго, я не писатель, я — музыкант. Итак, как говорится в сказках, «хотите верьте, хотите нет», но дело было так!

Глава 2. Знакомство

Неожиданная удача может оказаться подвохом судьбы.

(Вадим Синявский)

Где (или как) найти lead vocal, а проще говоря — певицу или певца в Саратове? Задача была не из лёгких. На дворе март 1985 года, и время нас ой как

поджимало! Дело в том, что мы (фото ниже) собирались принять участие в культурной программе XII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве, а солиста до сих пор у нас не было, а ведь мы прослушали уже человек 10... Мы — это я и три моих друга — музыканта, мечтавших работать на профессиональной сцене.

Немного о себе. Я вырос в артистической семье. Мои дед и бабушка по материнской линии были цирковыми артистами и ещё в 30-х годах прошлого столетия служили в шапито. Другая

бабушка, папина мама, была пианистка, а дед, хоть и был инженером, а не музыкантом, имел огромную коллекцию пластинок с классической музыкой и был знатоком в этой области. Мои родители всю жизнь работали на эстраде. Сначала артистами разговорного и оригинального жанров, а позже — в 1971 году — организовали ВИА «Поющие сердца», в котором начинала свой творческий путь Жанна Рождественская, советская и российская эстрадная певица, заслуженная артистка Российской Федерации. Позже папа стал работать в жанре «Психологические опыты», как Вольф Месинг, а мама была его ассистенткой. Старшая сестра — музыкант, композитор. Я одновременно пошёл в первые классы общеобразовательной и музыкальной школ. Восемь лет обучения по классу фортепиано не прошли даром, так что деваться, в принципе, мне было некуда и я был «обречён». Да я, собственно, ни о чём другом и не думал. Первый опыт игры в ВИА я приобрёл ещё в 8 классе — старшеклассники пригласили меня в школьный ансамбль играть на пианино. Учась в 10 классе, я уже сам организовал свой первый школьный ВИА. Окончив школу, поступил в музыкальное училище на дирижёрско-хоровое отделение, но вне его стен занимался эстрадой и джазом. Играл в самодеятельности вместе с Виталием

Окороковым, композитором, создавшим позднее женский ансамбль «Комбинация», а также с трубачом Сергеем Пронь, ныне лауреатом Международных джазовых фестивалей, членом Американской Гильдии трубачей. В 1980 году стал лауреатом Саратовского джаз — фестиваля, играя на саксофоне и флейте в ансамбле, созданном совместно с пианистом Гришей Голубом.

К марту 1985 года я уже успел поработать пару лет в филармонии, а ребята заканчивали учёбу в музыкальном училище. Тремя годами ранее я организовал джаз-рок ансамбль, и с тех пор мы играли постоянным составом, собирались идти работать в филармонию. Но без певицы или певца — как? И тут судьба улыбнулась нам: девочка из Аткарска (райцентр в 90 км от Саратова), выступая с ансамблем местного ДК в Саратове на областном смотре ВИА, показалась очень хорошо.

Это был шанс. Надо было ехать в Аткарск и искать её. И в конце марта я собрался и поехал. Знал только, что зовут её Алла Перфилова, что она солистка ВИА и что отец её — директор местной музыкальной школы. Ни её адреса, никакой другой информации у меня не было.

Но разве трудно найти солистку ВИА в райцентре?! Сойдя с поезда, я сразу же направился в местный ДК (благо, что он там один) в надежде

узнать что-нибудь. Но... Меня встретил пустой клуб, всё открыто, внутри гуляет ветер, никого... Заходи, бери, что хочешь... Что же делать? Не возвращаться же домой с пустыми руками? Зашёл в музыкальную школу — она находилась рядом — закрыто, воскресенье. Немного подумав, я направился в местный райком или что-то в этом роде. И... Удача! Дежурный (или как там они тогда назывались, не помню) дал мне адрес отца Аллы, Юрия Ивановича Перфилова. Вперёд! И я отправился искать дом, где должна была жить Алла.

Как я уже говорил, Аткарск — это райцентр, поэтому вам не трудно будет себе представить, какая распутица была на дорогах этого городка в конце марта 1985 года. Минут через 30, по колено в грязи, я, наконец, добрался до дома, находившегося где-то на Богом забытой окраине. Одноэтажные домики, заборы — частный сектор. Нашёл нужную мне калитку, звоню. Вышел мальчик, на вид лет 13–14, мы поздоровались. Юрия Ивановича дома не оказалось. Жаль, конечно, но лишь бы Алла была дома! Алла тут не живёт, огорошил он меня, и адреса её он не знает...

Я растерялся. Как так? Где же её искать? Вдобавок, как выяснилось, я приехал в дни весенних каникул и школы были закрыты. Да, конечно, я приеду ещё раз, попозже, дней через

7-10, и обязательно найду её, но время уходит, а его-то у нас как раз и нет... Расстроенный, я побрёл не спеша обратно, прикидывая свои дальнейшие действия. Раскисшая дорога не поднимала и без того нерадостное настроение. Впереди два часа в холодной грязной электричке, а потом ещё одна поездка в Аткарск. По пути на вокзал, проходя мимо уже знакомого мне ДК, я зашёл в него — так, на всякий случай — ещё раз и услышал, что кто-то внутри есть и эти «кто-то» музицируют. Неужели это они? Подошёл к залу, постоял какое-то время в дверях, послушал, потом вошёл. На сцене играли музыканты, человек пять или шесть, не помню точно, что-то репетировали. Я подошёл к сцене, поздоровался, представился, объяснил, кого ищу и с какой целью приехал. Один из них — это был Володя Зотов, руководитель ансамбля, её дядя (это я узнал позже) — встал и позвал Аллу. Вышла девочка, совсем юная, но очень серьёзная. Мы познакомились. Я ещё раз объяснил, уже ей, кто я и зачем здесь, и попросил её спеть что-нибудь. Если мне не изменяет память, они сыграли песню «От Москвы до Бреста», солировала, конечно же, Алла. То, что я услышал, приятно удивило меня. На сцене стояла, как я узнал позже, десятиклассница и пела джаз, причём пела, на мой (по тем временам) взгляд, неплохо. В середине песни была даже вокальная импровизация, скэт (англ. scat —

специфический способ джазовой вокальной импровизации, при котором голос используется для имитации музыкального инструмента, а пение не несёт лексической смысловой нагрузки).

Как поётся в известной песне, «встреча была коротка». Рассказав — теперь уже Алле — более подробно о цели своего визита и договорившись о том, что в ближайшее время я приеду ещё раз, чтобы познакомиться с её мамой и поговорить о будущем, я отправился — уже в приподнятом настроении — на вокзал, где зашёл в ресторан, отпраздновал свою маленькую удачу (а в том, что это была удача, я нисколько не сомневался) и поехал домой.

Электричка уже не казалась такой грязной и холодной.

Глава 3. Мама

Все бабы — дуры, а мамы — умные.

(Аркадий Давидович)

Спустя несколько дней я снова приехал в Аткарск. Зашёл за Аллой в школу (она училась в 10 классе), отпросил её с уроков и мы пошли к ней домой, где нас уже ждала её мама, Галина Николаевна. Тогда я и понял, что родители Аллы вместе не живут. Юрий Иванович, отец Аллы,

выпивал (об этом мне стало известно несколько позже) — это и была причина, по которой они расстались, и к тому времени у него была уже совсем другая семья, куда я и попал в первый свой приезд. Откуда же я мог знать, что Аллу нужно было искать совсем в другом месте? И вот, 5-этажный дом хрущёвской постройки, практически в центре Аткарска, в 5-ти минутах ходьбы от школы, 2-х комнатная квартира, а в ней мама — Галина Николаевна, авторитетная, сдержанно-гостеприимная, и чай, что-то там к чаю и беседа о будущем Аллы.

Разговорились. Вскоре я узнал, что Алла поёт

в ансамбле своего дяди уже несколько лет, солирует в хоре, выступает, где только можно. Я рассказал, в свою очередь, о себе, о коллективе, о наших планах. Перешли в зал, где стояло пианино, я даже что-то поиграл, кажется — из репертуара Эллы Фитцджеральд. Но на моё предложение, чтобы Алла работала с нами, мама ответила довольно пространной речью, из которой следовало, что Аллочка будет историком, так как собирается поступать в университет на истфак. Да, конечно, она понимает, что фестиваль — это хорошо, даже здорово, филармония — это тоже замечательно, но в их планы это не входит. Да, Аллочка очень музыкальна и поёт замечательно, и на фортепиано играет, всё-таки музыкальную школу окончила, но всё дело в том, что она должна вскоре получить красный аттестат и золотую медаль, а это прямая дорога в саратовский университет. Мне довольно убедительно и популярно объяснили, что профессиональное будущее Аллы с музыкой никак не связано.

В общем, разговор складывался явно не в мою пользу, мне надо было перехватить инициативу и попытаться как-то переубедить их. И осталась бы Валерия по сей день Аллой Юрьевной, и работала бы она учителем истории в какой-нибудь общеобразовательной средней школе, если бы не моя настырность и изобретательность в тот момент.

Я выложил свои «козырные карты», которые и решили судьбу будущей «звезды».

«Видите ли, в чём дело...» — я выдержал небольшую паузу (как в кино) и продолжил, — «филармония даёт нам целевые направления для поступления в институт Гнесиных на заочное эстрадное отделение. Но надо подготовить программу для поступления, серьёзную программу», — негромко произнёс я. — «И если вы согласитесь принять моё предложение, я помогу Алле подготовить программу для поступления».

Это был веский аргумент: учиться в Москве, у мастеров, хоть и на заочном. В 1985 году в Институте Гнесиных проводился, если я не ошибаюсь, второй набор на заочное эстрадное отделение. Без целевых направлений документы просто не принимали, а таковое давало право сдавать вступительные экзамены на общих конкурсных основаниях.

Я застал маму врасплох. Это была моя «чистая» победа, нокаут. Мои аргументы перевесили — мне удалось переубедить их (читайте, маму) и мы решили попробовать. Я рассказал о том, что нам предстоит сделать совместно с Аллой до окончания школы и — самое главное — после выпускных экзаменов. Выпив ещё чайку на дорожку, я откланялся.

После этого, в течение апреля 1985 года, они вдвоём несколько раз приезжали в Саратов, и мы записали с Аллой в нашей «студии» три песни для фестиваля. Я дал ей домой несколько джазовых пластинок, чтобы хоть немножко расширить её музыкальный кругозор, а сам в это время постоянно мотался в Москву по организационным вопросам, но — увы, на фестиваль мы, к сожалению, а может быть, к счастью, так и не попали. Всемогущий саратовский обком ВЛКСМ решил иначе, отказав нам в участии.

К этому времени Алла сдала с отличием все выпускные экзамены, красный аттестат и золотая медаль были у неё на руках, она приехала в Саратов (жила у родственников) и я стал готовить её к поступлению в Гнесинку. Тщательно выбирал для неё репертуар, советовался с певцами, консультировался с педагогами, мы почти каждый день занимались. На улице лето, жара, все на пляже, а мы — в классе, в консерватории или у меня дома — занимаемся. Надо отдать ей должное — она очень старалась. Наш отъезд в Москву был в ближайшем будущем, времени было мало, а сделать нужно было невероятно много.

В это же время я познакомился с двоюродной сестрой Аллы. Её тоже звали Алла и работала она в каком-то закрытом НИИ чего-то там (не помню название). Институт этот — огромное 4-х этажное

здание — находился прямо в центре Саратова, занимая целый квартал по периметру. Что она там делала — я точно не знаю, но именно она пригласила нас выступить у них на каком-то праздничном концерте. Это было как нельзя кстати — на зрителях проверить, как готова Алла к поступлению. Как-никак — сцена, огромный зал, публика, причём не простая, а научная, а это определённый уровень. И без ансамбля, только она и я.

И она, 17-летняя девочка, не подвела. Зал взорвался аплодисментами, это был первый настоящий успех!

Мы были на правильном пути.

Глава 4. Поступление

Чудо — то, что от нас вообще никак не зависит.
(Нейх)

Саратовская филармония, в которой мы к этому времени уже числились, с билетами на поезд не помогла. Кому-то очень не понравилось, что направления на учёбу достались именно нам. «Это ваше личное дело, при чём тут мы?» — заявили мне, — «Вы собираетесь поступать, вы и билетами занимайтесь». Так, ещё даже не начав работать, мы уже приобрели недоброжелателей в стенах этого

высококультурного заведения. Пришлось выкручиваться самим. А ведь это было фестивальное время и для поездки в Москву нужно было иметь специальное разрешение, без него билеты просто не продавали. В то время туда просто никого не пускали, людей высаживали из поездов ещё на подъезде к городу, многих москвичей отправили из столицы в отпуска. Город был полупустой, но зато открылось множество кафе и баров, неизмеримо чистых и красивых по тем временам, в которых — откуда ни возьмись — появились всевозможные соки, финский сервелат, иностранное пиво и орешки к нему, а официанты были предельно вежливы. Всё эти блага цивилизации мы смогли по достоинству оценить в ближайшее время.

Нам всё же удалось купить билеты — помогли целевые направления в институт. Всего одна ночь в поезде и мы — в Москве! (Оказывается, если верить Валерии, то получается, что я тоже приехал в столицу в один день с Пригожиным.) Честно говоря, я не питал особых иллюзий насчёт своего поступления — для этого у меня были основания. Я окончил саратовское музыкальное училище 4 года назад — в 1981 году, как дирижёр хора, — и с этого времени особой практики игры на фортепиано у меня не было, я играл на синтезаторе, а это совсем другая специфика. Вторым инструментом был

саксофон. И всё-таки я рискнул и поехал, так как не мог не поехать, ведь это же я готовил Аллу, я взял на себя ответственность, поэтому я должен был поддержать её и помочь при поступлении, к тому же я сопровождал её.

И вот мы уже сдали документы в приёмную комиссию и ходим на консультации, каждый на свои. Должен заметить, что в том году в институт поступали очень хорошие джазовые музыканты — такие, например, как пианист из джаз-рок ансамбля «Арсенал», пара пианистов из Москвы из известных столичных ВИА, саксофонист из биг-бенда Олега Лундстрема, барабанщик из джаз-ансамбля «Каданс» и многие другие. Был, например, пианист, уже окончивший горьковскую консерваторию, так что шансов у меня не было никаких — я это понял ещё на прослушивании. У вокалистов ситуация в плане известных имён была проще: в этом году их просто не было, так как Ирина Отиева поступила годом раньше. Конкурс примерно 4–5 человек на место, что тоже немало, но не 100, как позднее напишет, ставшая уже Валерией, Алла в своей книге (хотя 100, безусловно, престижнее).

Как я уже сказал, я был скорее туристом, чем абитуриентом, так как реально оценивал свои шансы на поступление. Но Алла обязана была поступить! Красивый голос, относительно большой

(для её возраста) диапазон, очень хороший слух, музыкальность, молодость — всё при ней! И есть только одна проблема — ей нужно будет сдавать экзамен по гармонии и выяснилось это только в Москве, а экзамен по гармонии и для вокалистов с образованием сдать очень и очень непросто. А что же говорить о ней? У неё только музыкальная школа за плечами, где гармонию не изучали. Ситуация тупиковая, шансов никаких...

Но что-то там, на небесах, произошло, а может — и не на небесах вовсе, а в кулуарах приёмной комиссии. В любом случае иначе как чудом то, что случилось, назвать нельзя. Вероятно, проблемы с гармонией были не только у Аллы, но и у других певцов и певиц. Вокалисты — даже с образованием — обычно не отличаются хорошей теоретической подготовкой. Скорее всего, именно поэтому в самый последний момент вокалистам-абитуриентам экзамен по гармонии всё-таки заменили на экзамен по сольфеджио. В результате Алла, успешно сдав всё, стала студенткой заочного эстрадного отделения института имени Гнесиных.

В моём недалёком прошлом — времени, когда я пытался пробиться с ансамблем на фестиваль — у меня в Москве появились новые друзья. Конечно, я познакомил их с Аллой, они могли чем-то ей помочь. Один из них, режиссёр Юра Резниченко,

был директором учебно-методического центра МГК ВЛКСМ по организации свободного времени молодёжи, где в то время проводились передачи «Что? Где? Когда?». Мы с Аллой частенько заходили к нему. Центр находился в трёх минутах ходьбы от Гнесинского института, на улице Герцена (теперь Большая Никитская) в доме № 47. В конце декабря мы с Аллой приехали в Москву, она — на свою первую сессию, а я — по делам. Зашли, конечно же, к Юре. Узнав, что там будет новогодний вечер, я предложил ему, чтобы Алла выступила у них. Именно там, в этом знаменитом клубе, в Москве, под Новый 1986 год и произошло первое, пусть и небольшое, выступление Аллы как джазовой певицы.

Глава 5. Саратовская филармония. Ансамбль «Импульс»

Дела человеческие... не могут быть постоянно удачными.

(Геродот)

Саратовская филармония (как и многие другие филармонии того времени), в которую мы пришли работать, была своеобразной организацией. Идею и конечную цель её деятельности можно было бы выразить примерно так: получение трёх

килограммов икры с однокилограммовой рыбы. То есть, не вкладывая ни копейки, получать максимальную прибыль, при этом оплачивая труд артистов по самым низким ставкам. К сожалению, понимание этого момента пришло слишком поздно.

К началу нашей творческой деятельности в стенах этого высококультурного заведения мы расстались с нашим гитаристом (он поступил в консерваторию). Искали, конечно, другого, но равноценной замены ему так и не нашли. В формировавшийся ещё коллектив благодаря художественному руководству филармонии попали несколько случайных людей. Худрук филармонии, который преподавал в музыкальном училище и у которого учились мои музыканты, с которым все мы были знакомы уже много лет, на участие которого очень рассчитывали и который это участие нам обещал, не оказал ни моральной, ни вообще какой бы то ни было поддержки в формировании ансамбля, а попросту говоря, «кинул» нас. «Надежды наши не сбылись и ненадёжны обещанья» — мне казалось, что рок-группа «Воскресенье» пела эту песню про нас. Мы были брошены, фактически, на произвол судьбы: без аппаратуры, без инструментов и даже без костюмов.

Нет, конечно, аппаратуру нам выдали, инструменты тоже. Дали то, что не жалко. Всё в

плачевном состоянии, старое, разбитое, неисправное. А первая поездка уже через месяц и мы должны ехать, иначе — разгонят. Кое-как починили, подкрасили, залатали, сделали наспех программу, оделись во что-то из домашнего гардероба, сдали программу и — вперёд! Да ещё и под чужим названием, с чужими афишами. На афишах с нашим названием филармония тоже сэкономила.

И вот первая гастроль... Сейчас всё то, что происходило с нами в то время, я вспоминаю с улыбкой — память человеческая избирательна. А тогда...

Тогда было не до смеха... Полтора месяца в области, зимой, в холодных гостиницах без удобств, с туалетами на улице, в дырявых ледяных автобусах без отопления — удовольствие не для слабонервных. Ежедневно по два-три концерта в клубах, где пар шёл изо рта. Я опекал Аллу и чем только мог помогал ей, ведь это же я уговорил её стать певицей и работать с нами.

Ребятам всё-таки было чуть-чуть полегче — они были старше, да и мужики, а тут — 17-летняя

девочка, попавшая прямо из школы и из-под крыла мамы в такие непростые условия. Но она не растерялась и освоилась довольно быстро. В магазинах кроме яблочного повидла, подсолнечного масла, лука и хлеба ничего не было, живи — как хочешь, а точнее — выживай. Болеть нельзя. Если болеет хотя бы один музыкант — концерт не состоится.

Выживали, молодость помогала и спасала, да и энтузиазма было не занимать. Что-то, где-то, как-то доставали из продуктов, готовили на электроплитках, в гостиничных номерах (что было категорически запрещено!), варили картошку. Ребята даже смонтировали электрообогреватели с романтическим названием «козёл», чтоб теплее было в номерах, а воду для чая кипятили специально сделанным из двух лезвий для бритья (или из спирали электроплитки) кипятильником. Трёхлитровый графин воды с узким горлышком такой кипятильник доводил до кипения секунд за 30–40, при этом издавая звук взлетающего самолёта.

В результате, выдержав две такие «гастрольные» поездки, музыканты пришли к худруку филармонии и просто спросили: «Доколе?» И, не услышав ничего вразумительного в ответ, уволились. Коллектив распался и прекратил своё существование. «Я думал, что вы бойцы», — сказал мне после всего этого худрук во время нашей беседы. «А с кем нам надо биться? С Вами?» — поинтересовался я. И в очередной раз не получил ответа...

Ансамбля больше не было. Всё то, что я создавал несколько лет ещё до работы в филармонии, перестало существовать.

Глава 6. Саратовская филармония. Джаз-ансамбль «Полюс»

Только в творчестве есть радость — все остальное прах и суета.

(Анатолий Кони)

Из филармонии уволились все, кроме меня, Аллы и моего друга, барабанщика Сергея Панфёрова. Конечно, можно было бы пойти работать в ресторан, как сделали мои друзья-музыканты. А что? Ты живёшь дома и с деньгами — в то время в ресторане можно было неплохо зарабатывать. Но нашей целью была СЦЕНА, она манила нас, она давала возможность заниматься ТВОРЧЕСТВОМ (по крайней мере, мы так думали тогда). И мы не пошли работать в ресторан. Мы знали, что скоро должны приехать 4 музыканта из Москвы, которые сформируют костяк нового джаз-ансамбля, в состав которого вольёмся и мы, так что перспектива творчества имела место быть.

Алла уехала на летнюю сессию в Москву, а мы с Сергеем тем временем готовились к поступлению в саратовскую консерваторию, где в том году проводился первый экспериментальный набор на заочное эстрадно-джазовое отделение. Это

было уже моё второе поступление в саратовскую консерваторию. Первый раз я поступил на дирижёрско-хоровое отделение ещё в 1982 и проучился два года, но забрал документы, так как работал на эстраде и знал, что в будущем навряд ли буду заниматься хоровым искусством. И вот, в 1986 году, успешно сдав экзамены, мы стали студентами первого курса, я — во второй раз.

Недели через три, наконец-то, приехали и столичные джазмены. Нас представили друг другу и вскоре мы приступили к репетициям. Руководил ансамблем Симон Ширман. Джазовым музыкантам должно быть известно это имя. Саксофонист и скрипач, прежде создавший джаз-квартет «Кварта», в котором начинался творческий путь Михаила Альперина и Яна Лемперта, а позднее игравший в джаз-рок ансамбле «Арсенал» под руководством А. Козлова. С ним вместе приехал Алексей Колосов — ныне джазовый композитор и музыкант-исполнитель, историк и теоретик джазовой музыки, основатель группы «Аура», киноактёр, гитарист, руководитель ансамбля, журналист, радиоведущий, организатор нескольких джазовых проектов. Он был сыном кинорежиссёра Сергея Колосова и актрисы Людмилы Касаткиной. Именно благодаря ему и был организован этот джаз-ансамбль, в котором он должен был играть на гитаре и вести концерт, рассказывая публике о